

18+

Эрик Мепочкин

Оплот Фальши

Эрик Щепочкин

Оплот фальши

«Издательские решения»

Щепочкин Э.

Оплот фальши / Э. Щепочкин — «Издательские решения»,

Это антиутопический роман о выборе, свободе, войне, любви и цене великой цели. Здесь нет простого разделения на добро и зло. Каждый герой по-своему пытается изменить мир, спасти близких или найти смысл собственного существования. Истории людей переплетаются с историей целого мира: от обычной жизни и жестокости улиц до власти, религии, науки и попытки человека подчинить себе саму природу. Книга содержит нецензурную брань.

© Щепочкин Э.

© Издательские решения

Содержание

Глава 1 — что внутри муравейника	7
Смука- ничего	13
Ферн- работает	17
Дед- примерь	21
Смука- хорошо	22
Константин- ошибаешься	25
Смука- будет	26
Мужчина- скажу	27
Мужчина- обещал	28
Элис- да	35
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Оплот фальши

Эрик Щепочкин

© Эрик Щепочкин, 2026

ISBN 978-5-0071-2387-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

— Никогда не разговаривайте с неизвестными

Скажи, Мефистофель, в глухой тиши

Что в нас — не пепел, не крик пустоты

Не власть, не блеск — а свет в глубине души,

Что не дает нам сгинуть во мгле.

Быть может, то, что мы слышим чужой стон,

Что, рухнув во тьму, тянемся мы к высоте...

— молчание затянулось. Ветер неторопливо ходил по высокой траве, и та тихо шелестела, будто кто-то невидимый перелистывал давно забытую книгу, Солнце уже почти скрылось за лесом. Последний свет еще держался за верхушки сосен, но и он понемногу сдавал позиции наступившему вечеру.

Гало стоял неподвижно, он ждал этого разговора давно.

Гало- пора.

— Оплот усмехнулся, но вышло это не весело.

Оплот- А мне... жить хочется.

— сказал он это почти виновато. Словно признался в чем-то постыдном.

Оплот- работать хочется, обычной жизнью жить.

— он провел ладонью по лицу.

Оплот- правым глазом почти ничего не вижу, да и левый не далеко ушел... слух тоже подводит.

— улыбнулся краем губ.

Оплот- смешно выходит, чем меньше вижу людей, тем сильнее их жалею.

— он поднял глаза на Гало, а тот выслушал все, не перебивая.

Гало- раньше думал, мои беды самые тяжелые. Потом понял — у каждого своя, и чужую нести иногда еще труднее чем собственную. Надежда делает человека упрямым, Иногда настолько, что он перестает замечать очевидное.

— он говорил спокойно, без выражения.

Гало- здесь она ничего не изменит.

— оплот опустил взгляд, долго смотрел на свои руки.

Оплот- пусть те, кого мы тогда потеряли... останутся хотя бы в памяти.

— глубоко вздохнул и выкрикнул.

Оплот- ты говоришь так, потому что не видел всего этого и не жил среди этого.

— поднял голову и дотронулся до кольца на правой руке

Оплот- выслушай меня сначала, не соглашайся, не спорь, просто выслушай, а потом уже решай, что нам делать.

— Гало впервые отвел взгляд, ненадолго.

Гало- хорошо.

— Оплот кивнул.

Оплот- тогда начнем с самого начала.

Глава 1 — что внутри муравейника

— в комнате было сыро и пусто так. Стены, когда-то беленые, посерели и пошли пятнами. В углу темнела старая кровать с продавленным матрасом. Посреди комнаты стоял одинокий стул, не как предмет мебели — как единственная уступка дому, который еще не окончательно распался. Окно было разбито, и через него тянуло холодом с улицы. Ветер бесшумно входил в комнату, задерживался на миг и уходил, будто и ему здесь было нечего делать. Константин долго смотрел на стул. Не потому, что не знал, что делать, а потому, что знал слишком хорошо.

константин- красивые вещи не требуют объяснений...

— он сказал это тихо, себе под нос, и посмотрел в разбитое окно. За стеклом не было ничего утешительного: серое небо, крыши, мокрые провода, черные стволы голых деревьев на дальнем дворе. И все же там, в этой простоте было больше правды, чем в том что происходило внутри квартиры.

Константин- куда ни глянь, все объясняют, все толкуют, все раскладывают по полкам, а жизнь от этого только беднее становится.

— он прошел к столу, провел пальцами по его шершавой поверхности, словно хотел убедиться, что еще существует что-то твердое, не обманчивое. Потом снова посмотрел на стул. Тот стоял так спокойно, будто ждал его уже давно. Без нетерпения, Без жалости, Без упрека.

Константин- настолько все надоело, что даже злости не осталось.

— он усмехнулся, но в этой усмешке не было ни капли веселья. Она вышла сухой и короткой, как трещина на старом стекле.

Константин- что жизнь, что смерть... обе молчат и от этого пожалуй только тяжелее.

— он достал веревку и несколько секунд смотрел на нее так, словно держал в руках не узел, а собственный остаток счастья. Движения его были медленны, почти спокойны, в этом спокойствии уже не была только усталость — тяжелая, вязкая, вьевавшаяся в кости. Когда-то он думал, что человек обязан что-то чувствовать, чтобы не исчезнуть. потом понял, что исчезновение начинается не тогда, когда уходит боль, а тогда, когда боль становится привычной.

Константин встал на стул и на секунду замер. Петля легла на шею неловко. Перед ним не было никакой торжественности, ни голоса, ни знака, только сырая комната, скрип старого дерева под ногами и тонкий холод, идущий от окна. И вдруг, прежде чем окончательно сделать шаг в темноту, он увидел не комнату, деревню. Не ту, в которой он когда-то жил, а ту, что осталась в нем как теплый слой под кожей, как то единственное, что не успела выскоблить из него жизнь.

Утро, туман лежащий низко над травой. Тяжелая роса на лопухах. Сырая земля, пахнувшая после ночного дождя. Тихая речка за покосившимся мостом, и деревья, стоящие так спокойно, будто им и не нужно было ничего доказывать. Там не было лишних слов. Не было нужды объяснять, зачем светлеет небо, зачем вода дрожит на ветру, зачем старый забор становится красивым только потому, что на него падает утренний луч света.

Константин- красивые вещи не требуют объяснений... так говорила моя бабушка. я ску- чаю о том тихом, безмолвном мире, где все было на своем месте. Тогда мне казалось, что жить можно просто потому, что вокруг светло.

— он закрыл глаза. И в этот миг ему стало невыносимо ясно, что самое страшное в его жизни было, то как долго он пытался понять, зачем все это, что практически разучился дышать, смотреть, слышать.

Веревка чуть натянулась, и все же он не сделал последнего шага. Не из слабости, не из страха, а потому, что где-то внутри, в самом глубоком и упорном месте, еще оставалось кро- шечное, унижительное желание увидеть хотя бы одну причину остаться. Он медленно снял петлю, спустил со стула и лег на пол. Сырой холод сразу прошел через ткань брюк. Костлявый, беспощадный, настоящий. Такой, какой и бывает жизнь, когда перестает прикидываться.

Константин- если смысл где-то есть... он не станет ждать меня здесь.

— он поднялся не сразу, сначала просто лежал, потом сидел, опустив голову, еще погодя тяжело выдохнул, будто в груди у него долго лежал камень, и этот камень наконец дал трещину. Он снял с крючка старое пальто, накинул ее на плечи и постоял в дверях. За окном все было так же серо, как и минуту назад, но теперь это серое не давило, оно звало.

Константин- ладно.

— он открыл дверь и вышел на улицу не как человек, который победил тьму, а как чело- век, который еще не окончательно сдался ей.

Улица была тоскливая и тусклая, как и всегда. Люди шли мимо, не глядя друг на друга, и каждый нес в себе свою усталость, свою маленькую беду. Смука стоял у стойки и все пытался говорить спокойно, по-взрослому, хотя в голосе у него то и дело прорывалось что-то детское, нетерпеливое, обиженное.

Смука- у вас точно ничего нет?

— женщина за стойкой посмотрела на него так, будто он сотый раз у нее это спрашивал.

Сотрудник- нет. Простите, мы ничем не можем помочь.

— Смука хотел спросить еще раз, но понял, что это бесполезно. Он постоял секунду, потом опустил глаза и отступил от стойки.

Смука- ладно...

— он уже собирался уйти, когда заметил рядом мальчика. Тот стоял в стороне, будто был сам не свой. Взгляд у него был потерянный, но не пустой. Скорее такой, как у человека, который в своей жизни слишком видел. Смука задержался, затем неловко шагнул к нему.

Смука- эй

— мальчик медленно повернул голову.

Винни- да?

— Смука на секунду смутился, словно вдруг понял, что не подготовил никаких нормальных слов для знакомства.

Смука- ты... один тут?

Винни- похоже, да...

— Смука коротко усмехнулся. Улыбка вышла неловкая, но теплая.

Смука- у меня, кстати, тоже с такими местами не очень.

— мальчик смотрел на него внимательно, не перебивая. Смука почесал затылок и вдруг вспомнил одну странную фразу, которую недавно где-то вычитал. Он сам не помнил, зачем вообще ее запомнил, но теперь она почему-то как раз пришлась к месту.

Смука- я тут недавно одну фразочку вычитал. У Жана Ла Бака.

Винни- у кого?

Смука- ну... Жан. Такой, знаешь, то ли философ, то ли чудака. Не поймешь сразу.

— он пожал плечами.

Смука- он сказал что-то вроде: если дверь не открывается, это еще не значит, что за ней ничего нет.

Винни- это правда он сказал?

Смука- без понятия.

— Винни чуть заметно улыбнулся. Не широко, не открыто, а как-то очень тихо и по-настоящему, как будто впервые за долгое время рядом с ним кто-то сказал нечто, что не хотелось сразу отбрасывать. Какое-то время они просто стояли рядом. Потом Смука глянул на улицу, где ветер шевелил мокрую пыль у обочины, и вдруг почти без раздумий сказал:

Смука- пойдем пройдемся.

Винни- куда?

Смука- не знаю. Просто пойдем.

— Винни согласился сразу, будто ждал именно этого ответа. Они вышли вместе и пошли медленно, без спешки, будто знакомы были не несколько минут, а уже давно. Смука не умел красиво говорить о важных вещах, но с ним это и не требовалось. Он быстро делился тем, что у него внутри, если чувствовал, что рядом человек, который не станет смеяться.

Смука- я хочу найти родителей. Понять, кто они. Да и вообще... кто я сам такой.

— Винни шел рядом и слушал так внимательно, как слушают только в детстве или в самые трудные минуты жизни. Он ничего не перебивал, не спорил, не пытался умничать. Просто шел и смотрел вперед.

Винни- я помогу.

Смука- серьезно?

Винни- да. Ты сказал это так, будто тебе это правда важно.

— Смука на секунду замолчал. Потом посмотрел на него и тихо улыбнулся.

Смука- потому что это и правда важно.

— они пошли дальше, уже не как случайные люди рядом, а как те, кто по какой-то необъяснимой причине, друг друга уже давно знают. И хотя они сами не понимали, что именно только что началось, между ними уже возникло то редкое и почти незаметное чувство, из-за которого чужой человек перестает быть чужим. Где-то далеко позади оставался серый город, разрушенные стены и чужие равнодушные лица, а впереди была улица, по которой шли два мальчика, еще не зная, какой путь их ждет.

Упал еще один лепесток розы...

Реклама- покупаешь, следовательно, существуешь. Новая линейка товаров для тех, кто ценит комфорт и уверенность.

— Константин сидел не двигаясь, держа пульт в руке. Сначала он просто слушал, потом медленно нажал кнопку. экран погас, в комнате сразу стало тише, но эта тишина не успокоила, наоборот, показала, насколько все вокруг пусто.

Константин- вчера я снова пытался что-то изменить. И опять ничего не вышло.

— он посмотрел в темноту перед собой и уголки его губ зашевелились.

Константин- смешно.

— он откинулся на спинку кресла и долго сидел так, не шевелясь. За окном что-то проехало, кто-то хлопнул дверью, где-то в доме наверху заиграла музыка. Где-то там жизнь еще продолжалась. Он закрыл глаза, и тишина в комнате стала еще плотнее.

Экран в комнате дрожал белым светом. На нем, сменяя друг друга, вспыхивали лица слишком бодрых людей со слишком ровными зубами и слишком одинаковыми улыбками. Голос диктора звучал весело, ласково.

Реклама- ты устал от вины? Мы понимаем. Ты сорвался, согрешил, посмотрел не туда, подумал не то, сказал лишнее? Ничего страшного, жизнь продолжается, а чтобы она продол-

жалась чище, ровнее и спокойнее, выбирай нашу туалетную бумагу «единый мир». Плотность, которой можно доверять.

— Экран мигнул, и на нем снова появились улыбающиеся люди. Они держали в руках одинаковые коробки, одинаково смеялись и смотрели в камеру так, словно счастье в этом мире действительно можно было уместить в упаковку. Смука сидел на краю стула и молча слушал. Он не любил этот дом и не любил чужие слова, которые слишком быстро пытались стать добрыми. На нем еще висела старая одежда — рваная, не по размеру, с чужими заплатами и стертыми локтями. Он держал руки на коленях, все время был готов встать и уйти. Так держатся дети, которые слишком рано поняли, что любое «останься» может оказаться ловушкой.

Пожилая женщина прошла на кухню и поставила на плиту чайник. Движения у нее были медленные, но в них не было усталой пустоты, скорее, какая-то тихая внимательность, будто она боялась потревожить. Дед стоял у окна и смотрел вниз, во двор. Он был сухощавый, с широкими ладонями и лицом, на котором давно осели терпение и пожилые годы.

Дед- не ешь, если не хочешь.

— Смука не ответил. Только посмотрел на стол, где уже стояли хлеб, горячий суп, ломтик сыра и что-то еще, что пахло жиром и теплом. Для кого-то это была обычная еда. Для него — почти неприличная роскошь. Старуха, почуяв его взгляд, мягко подвинула к нему тарелку.

Бабка- все хорошо.

— Смука опустил глаза. Ему не нравилось, когда взрослые говорили с ним как с хрупкой вещью. И все же в этой тишине не было привычной фальши. От этого становилось не по себе.

Дед- ты значит из тех, кто не сидит на месте.

— Смука слабо пожал плечами.

Смука- мне и здесь не очень-то сидится.

— Дед усмехнулся краем губ, не оборачиваясь от окна.

Дед- понимаю. Таких, как ты, сначала пытаются удержать. Потом кормят обещаниями. Потом начинают злиться, что ты не веришь им.

— Смука поднял взгляд. Он ждал подвоха, но не находил его.

Смука- вы меня не знаете.

Дед- верно, но ты уже знаешь, что взрослым верить не всегда надо.

— Смука напрягся. Слишком точно, слишком близко к тому, что он никому не рассказывал. Бабулька поставила перед ним кружку с теплым молоком и жалобно посмотрела на него.

Бабка- божечки, у тебя руки холодные. Сними это тряпье, потом разберемся с этим.

— Смука хотел огрызнуться, хотел сказать, что у него все нормально, что ему ничего не нужно, но слова не вышли. Он только сильнее сжал пальцы. На экране телевизора диктор уже говорил о другом.

Реклама- страсть делает человека слабым. Грех делает человека грязным. А грязь, как известно, любит оставаться. Не давайте себе потеряться в желаниях. Выбирайте чистоту. Выберите наши салфетки «ваше-наше». Они напомнят вам, кем вы должны быть.

— Дед заметил, как мальчик напрягся.

Дед- выключить?

— Смука молча пожал плечами. Дед не стал спрашивать дважды. Подошел, щелкнул кнопкой, и кнопка стала тише. Слишком тише. После этого стало слышно, как за окном скрипит дерево и как где-то капает вода. Бабушка тем временем уже вернулась с кухни и начала накрывать на стол, будто не делала ничего особенного. Она ставила тарелки без лишнего шума, но каждая вещь в ее руках словно знала свое место. Смука еду не трогал.

Бабка- ешь.

— Смука все же взял ложку и решил попробовать. Сначала неуверенно, с подозрением. Потом еще раз, и еще. Суп был горячий, густой, настоящий. Дед сел напротив и наблюдал не пристально, а спокойно, как наблюдают за огнем в печке. Потом, когда мальчик немного согрелся и стал есть быстрее, дед кивнул на его рукава.

Дед- тебя, смотрю, жизнь уже не раз переодевала.

Смука- что?

Дед- одежда у тебя плохая и совсем не твоя.

— Смука опустил взгляд. Стыд, упрямство и какая-то странная благодарность смешались внутри него в один непонятный ком.

Смука- ничего

Дед- слушай, я не буду лезть тебе в душу. Не люблю этого, и не умею красиво говорить, но если ты останешься, я постараюсь не соврать тебе ни разу.

— Смука застыл с ложкой в руке. Бабка поставила на стол еще кусок пирога и села рядом, подперев щеку ладонью. Она смотрела на Смуку с любопытством. За окном вечер медленно опускался на двор. На стекле собиралась мелкая влага. Где-то далеко, за домами, гудел город, и этот гул казался старым, как сама привычка людей жить среди боли и все равно делать вид, что у них порядок. Смука доел последнюю ложку супа и осторожно положил ложку. Есть больше не хотелось. Вернее, хотелось, очень, но было страшно показывать это.

Смука- спасибо...

— слово вырвалось само, словно не он его сказал. Бабка улыбнулась одними глазами и начала собирать посуду.

Бабка- на здоровье.

— Дед сделал вид, что ничего особенного не произошло. Только кивнул головой.

Дед- завтра съездим.

Смука- куда?

Дед- за одеждой.

Смука- не надо

Дед- надо. Зима толком не закончилась, а твоя куртка держится на честном слове.

— Смука посмотрел на рукав. Ткань действительно разошлась почти до локтя.

Смука- я привык

Дед- вот поэтому и надо.

— повисло молчание. Смука не любил молчание взрослых. Обычно после него начинались нравоучения, но ничего не произошло. Дед просто сидел, бабка просто мыла тарелки.

Смука- я... пойду.

Бабка- уже?

Смука- да.

— Дед лишь кивнул.

Дед- только далеко не бегай.

— Смука ничего не ответил. через секунду хлопнула дверь. Бабка еще некоторое время смотрела на закрытую дверь.

Бабка- думаешь, вернется?

— Дед взял кружку с остывшим чаем.

Дед- вернется.

Бабка- ты слишком уверен.

Дед- нет, просто видел таких детей.

— Бабка тяжело вздохнула.

Бабка- нам его только вчера привели. Полицейские сказали, что он уже сбежал почти из каждого приюта. А если и сейчас не вернется?

— Дед улыбнулся, едва заметно.

Дед- тогда завтра снова сбежит, послезавтра тоже, а потом однажды устанет убегать.

Бабка- и ты правда думаешь, что именно сюда?

Дед- нет, я надеюсь, что однажды он перестанет искать место, откуда можно сбежать. И начнет искать место, куда захочет возвращаться.

— Бабка посмотрела в окно.

Бабка- мы столько лет хотели ребенка... А ведь он как волчонок: ни крошки в рот, ни подарка в руки. Жалко мальчонку — никто же не заменит настоящих родителей. Они должны быть в жизни каждого.

— Дед накрыл ее ладонь своей.

Дед- значит, будем учиться быть родителями. Даже если он пока не готов быть сыном.

— Смука уже мчался по улице. Ветер бил в лицо так сильно, что приходилось щуриться. На крышах еще лежал снег, но вода уже стекала по водостокам, собираясь в мутные лужи. Винни сидел на бетонном бордюре и терпеливо ковырял носком ботинка лед. Увидев Смуку, он сразу поднялся.

Винни- ты долго.

Смука- зато живой

Винни- это хорошо

Смука- наверное.

— они пошли вдоль окраины. Здесь домов почти не осталось. Только старые склады, ржавые заборы и бесконечный ветер. Вдруг Смука остановился.

Смука- смотри...

— за широкой полосой еще не растаявшего озера возвышались два огромных военных самолета. Они стояли носами к небу, словно пытались взлететь еще много лет назад, но лед удерживал их на месте. Крылья наполовину ушли в лед. Весеннее солнце медленно разьедало белую корку вокруг них, и казалось, будто огромные машины понемногу просыпаются после очень долгого сна.

— Смука широко улыбнулся.

Смука- пошли.

Винни- куда?

Смука- туда!

Винни- а если нельзя?

Смука- значит, особенно надо.

— и двое десятилетних мальчишек побежали по хрустящему льду навстречу самолетам, не подозревая, что внутри одного из них уже долгое время живет тот, кто давно перестал рисовать мир таким, каким его видят остальные.

Ветер гудел внутри пустых корпусов самолетов, словно кто-то до сих пор пытался завести их давно остановившиеся двигатели. Винни осторожно заглянул в темный проход.

Винни- здесь кто-нибудь есть?

— ответа не последовало. Смука сделал еще несколько шагов и тут сверху что-то громко грохнуло. Смука вздрогнул.

Смука- мамочки...

Голос- мамочки дома, а вы в самолете.

— на крыло легко спрыгнул высокий худой мужчина в длинном испачканном пальто. Волосы торчали в разные стороны так, словно он расчесывался исключительно встречным ветром. В одной руке он держал кисточку, в другой — кружку с кофе.

Ферн- так... И кто разрешил двум пельменям гулять по моему дому?

Смука- мы...

Винни- простите...

— художник несколько секунд рассматривал их, затем тяжело вздохнул.

Ферн- ладно. Дети — это такие штуки, из которых часто вырастают нехорошие люди, если им вовремя не уделять внимания.

— он сделал паузу

Ферн- значит, придется уделить

— внутри самолета все было покрыто мазней, рисунки были везде, на полу, на стенах, на потолке. Даже старые приборные панели оказались разрисованы так, будто художник пытался убедить самолет, что тот еще умеет летать. На одной из стен огромными буквами было написано: творите добро, ублюдки. Ниже нарисовано улыбающееся солнце. Смука не сдержался и рассмеялся, а художник довольно сказал:

Ферн- работает

— он уселся прямо на пол, хлопнул ладонью рядом.

Ферн- садитесь, стоя философствовать не удобно.

— дети переглянулись и сели. Художник долго смотрел на них и вдруг спросил:

Ферн- вы вообще зачем сюда пришли?

— Смука пожал плечами

Смука- просто интересно было

Ферн- вот, любопытство еще никогда не делало человека счастливым, но именно оно двигает мир. Всю жизнь я находился в бессознательном, пытался понять то, что было... и то, что будет. Поэтому рисовал.

Смука- помогло?

— художник задумался

Ферн- не особо, но стало красивее.

— он вдруг ткнул пальцем в винни.

Ферн- ты... ты похож на голубя

— винни растерялся

винни- почему?

Ферн- будь как голубь- насри на все

— смука расхохотался, художник тоже. Винни еще несколько секунд ничего не понимал, потом тоже начал смеяться.

Ферн- сядьте поудобнее, а то с грустной жопой радостно не пукнешь.

— Смука согнулся пополам от смеха, а художник неожиданно стал серьезным

Ферн- представьте жизнь... где каждая улыбка — расчет, каждая ночь — борьба, а единственный способ почувствовать себя живым — забрать чужую жизнь. Именно в таком месте вы сейчас живете.

— все промолчали. Художник поднялся. Медленно подошел к огромному окну самолета. Вдали, почти растворяясь в дымке, тянулась великая стена. Она казалась бесконечной.

Ферн- видите?

Смука- да

Ферн- если хотите узнать... кто вы, почему все именно так и есть ли вообще смысл искать ответы... вам туда.

— он указал на стену

Ферн- за нее. Все мои картины...

— он усмехнулся

Ферн- это всего лишь попытка дорисовать то, чего я никогда не видел. а вы можете увидеть.

Смука- а если нас не пустят?

Ферн- тогда перелезете

Смука- а если поймают?

Ферн- тогда убежите

Смука- а если...

— художник перебил

Ферн- жить, зная о смерти, — это и есть бунт. В этом мире есть только два пути. Сдаться или продолжить идти.

— он улынулся

Ферн- я свой путь уже нарисовал... теперь ваша очередь.

— он достал кисточку. несколькими быстрыми движениями нарисовал на щеке Смуки маленькую рыжую лису.

Ферн- любопытный, хитрый, вечно ищет.

— потом повернулся к Винни, на его щеке появился белый журавль

Ферн- а ты... всегда будешь возвращаться туда, где осталось сердце. Так ну все.

— это было самое короткое мое знакомство, но опеределенно самое запоминающееся подумали мальчики. А ферн отвернулся и уже начал что-то рисовать на стене, будто детей здесь никогда и не было. По дороге домой ребята почти не разговаривали. Не далеко от них темнела великая стена, и теперь она перестала быть просто стеной, она стала вопросом, на который оба однажды решили найти ответ.

Реклама- вы устали думать? не думайте, за вас уже это сделали. Новая коллекция таблеток со вкусом жизни и серотонина. Почувствуй вкус жизни, которую вам не придется проживать.

— вечер медленно опускался на город. За мутные окнами бара, ветер гонял по улице бумагу и пепел. Константин сидел один. Перед ним стоял почти нетронутый стакан. В руках он держал старую выцветшую фотографию.

Константин- я усталым таким еще не был...

— на снимке улыбалась бабушка, рядом стоял дед, и мама. А в самом углу незнакомый мужчина.

Константин- мама... тебя я хотя бы представляю. Говорят, умерла сразу после родов. Бабка с дедкой... спасибо вам за воспитание.

— он провел большим пальцем по лицу мужчины.

Константин- а ты где? где ты был все это время, отец? Чтобы ты сейчас сказал мне?

— ответом стало только дребезжание стаканов за стойкой. На улице стало холоднее. Где-то у озера толпились люди. Из темной воды медленно вытаскивали очередное тело. Константин остановился.

Константин- интересно... сколько их еще там.

— он отвернулся

Константин- последние годы кажется, будто мир становится все холоднее, все более жестоким, все менее человеческим.

— из переулочка вышел невысокий седой старик с тяжелой связкой ключей. Он остановился рядом и протянул один маленький ключ.

Архивариус- возьми

Константин- мне нечего открывать

Архивариус- пока что

— Константин пару секунд смотрел на него. Потом молча вложил ключ обратно в ладонь старика.

Константин- оставь себе

— когда он сделал еще несколько шагов и обернулся, старика уже не было.

Смука долго рассматривал новую куртку. Она была простой, без дырок, без заплат. Такую одежду раньше видел только на других.

Дед- примерь

— Смука молча надел ее. Куртка оказалась чуть велика. Дед улыбнулся

Дед- вырастешь

— Смука смущенно отвел взгляд

Смука- спасибо

Дед- пойдем, поговорим

— они не спеша шли вдоль старого забора

Дед- знаешь, почему мы оказались здесь?

— Смука покачал головой

Дед- кстати, если ты забыл меня зовут — Елисей, а та удивительная женщина, которую ты видел- Марфа

Смука- хорошо

Елисей- мы с Марфой очень хотели детей, но так и не смогли. Экология сделала свое дело.

— он ненадолго замолчал.

Елисей- тогда мы решили уйти, тайком, из Муравейника.

Смука- откуда?

Елисей- так называется средний слой, город. Есть три стены. За первой — Свалка, ты ее знаешь. Сюда свозят мусор со всей страны, здесь люди давно перестали ждать чего-то хорошего. За второй стеной начинается второй город — Муравейник. Там никто не живет, там работают. Смог не исчезает никогда, солнца практически не видно за рекламными экранами и афишами. Еду давно заменили таблетками, а за тяжелые смены нам иногда платили не деньгами...

— он невесело посмеялся и сразу же затих.

Елисей- ...а баллонами с кислородом.

— Смука удивленно посмотрел на него

Елисей- за третьей стеной находится последний город — Зиккурат. Говорят, там живут те, кому удалось добиться всего. Я не знаю, правда ли это. Всю жизнь видел его только издалека.

— Они остановились.

Елисей- мы ушли оттуда сюда, потому что здесь, среди всего этого...

— он оглядел бедные дома

Елисей- иногда все еще можно встретить настоящих людей.

— Смука долго молчал. потом тихо произнес:

Смука- дедка елисей...

— старик посмотрел на него. Смука хотел сказать другое слово, но так и не смог. Дед только улыбнулся.

Елисей- пойдем домой. Марфа наверняка опять наготовила всяких вкусняшек.

— Смуке впервые за долгое время слово «дом» не показалось чужим.

Вечерами Свалка становилась тише, будто город ненадолго уставал ненавидеть самого себя. Смука и Винни шли вдоль ржавых путей, пиная пустую консервную банку.

Смука- а если мои родители живы?

— Винни развел руки

Винни- тогда вы встретитесь

Смука- а если нет?

— Винни ненадолго задумался.

Винни- тогда все равно узнаешь правду

— Смука улыбнулся

Смука- знаешь... ты странненький такой

Винни- знаю

Смука- мне нравится

— они переглянулись и одновременно рассмеялись. Солнце почти село

Винни- мне пора

Смука- тогда завтра

Винни- завтра

— они разошлись в разные стороны. Не успел смука пройти и пары улиц, как тишину разорвали выстрелы. Один, потом второй, еще и еще. Сердце сжалось, ноги сами понесли вперед. Возле дома уже собирались люди. Марфа сидела на земле, не в силах подняться. Елисей лежал у крыльца, под ним медленно растекалась кровь. Смука бросился к нему на колени.

Смука- дедка...

— Елисей с трудом открыл глаза

Елисей- не плачь... если встретишь хорошего человека... просто будь рядом... ты почувствуешь...

— Смука не сдерживал слез

Смука- пап...

— он запнулся

Смука- папа...

— Елисей едва заметно кивнул, этого слова и ждал. Его рука медленно опустилась. Смука бежал, ничего не видя перед собой. Слезы мешали дышать. Он нашел Винни уже возле старой дороги.

Винни сразу понял все без слов, молча, крепко обнял друга

Смука- я больше не могу... не хочу здесь оставаться...

— Винни тихо ответил:

Винни- тогда уйдем

— ночью они добрались до бесконечной стены. Под ней из старых бетонных блоков земля была рыхлой. Несколько минут они разгребали ее руками. Наконец появилась узкая брешь. Смука первым протиснулся наружу, следом вылез Винни. Перед ними лежал совершенно другой мир.

Винни- разделимся, я поищу проход ко второй стене

Смука- я тогда осматрюсь тут

Винни- только недолго

Смука- договорились

— Смука бродил по незнакомым улицам, пока не заметил парня, сидевшего у самой воды. Тот бросал в реку мелкие камни, каждый исчезал без единого всплеска. Смука подошел ближе

Смука- красиво тут

— Константин даже не повернулся

Константин- иди своей дорогой

— Смука сел рядом

Смука- уже иду, просто решил немного посидеть по пути

— Константин раздраженно посмотрел на него

Константин- ты всегда такой надоедливый?

Смука- только когда человек выглядит так, будто ему очень нужен разговор.

Константин- ошибаешься

Смука- может быть, но знаешь... иногда человек сильнее всего хочет именно того, от чего пытается отказаться

— Константин хмыкнул.

Константин- философ

Смука- да не, просто иногда получается случайно сказать что-то правильное и прикольное

— впервые за долгое время тонкие губы Константина заметно дрогнули. Он поднялся

Константин- завтра, у реки, если тебе опять будет нечем заняться

Смука- будет

— Константин ушел, сам не понимая, почему впервые за долгое время согласился встретиться с совершенно незнакомым человеком.

6:15, будильник прозвенел раньше рассвета. Мужчина открыл глаза не сразу. Минуту он просто смотрел в потолок, будто вспоминал, зачем вообще проснулся. За окном гудели заводские трубы. темное небо медленно растворялось в дыме. Новый день ничем не отличался от вчерашнего. Он молча поднялся, поставил чайник, достал две кружки, насыпал сахар сначала в одну, потом во вторую. Во вторую — всегда чуть больше. Пока закипала вода, аккуратно разгладил лежавшее на стуле платье, поправил воротник, смахнул невидимую пылинку. 6:28, из соседней комнаты слышались шаги.

Женщина- доброе утро... ты уже проснулся?

Мужчина- как всегда

Женщина- сегодня он придет?

— Мужчина ненадолго замолчал

Мужчина- обещал

— Женщина облегченно улыбнулась

Женщина- хорошо... значит, будем ждать

— она села за стол так, словно вчера ничего не произошло. 7:05, заводчанин помог ей застегнуть платье, поправил шарф. Она снова посмотрела на дверь

Женщина- только не забудь... если увидишь его раньше меня... скажи, что мама ждет

Мужчина- скажу

— он говорил это так спокойно, словно верил своим словам. 7:40, автобус привычно проглотил очередную смену рабочих. Никто не разговаривал, люди смотрели в пол, кто-то спал стоя, кто-то бездумно смотрел на рекламные экраны.

«усталость — это выбор. Купите энергетический концентрат. Работайте больше, чувствуйте меньше.» 18:12, он вернулся домой. жена уже ждала у двери

Женщина- где ты был?! Почему так долго?! Ты опять ничего не сделал?!

— он спокойно снял куртку

Мужчина- автобус задержался

Женщина- ты всегда так говоришь, тебе вообще есть дело до семьи?

— мужик молчал, поставил чайник, достал две кружки, насыпал сахар сначала в одну, потом во вторую. Во вторую — всегда чуть больше. 22:47, он сидел один на кухне. Перед ним стояла полупустая бутылка. За стеной все еще слышался голос женщины, она снова кого-то искала. Работяга закрыл глаза.

Мужчина- в какой-то момент перестанешь ждать, что станет легче. Просто делаешь, то что должен

— он убрал бутылку в шкаф, завел будильник. Экран телевизора вспыхнул раньше расвета.

Реклама- вы не одиноки. 97% граждан ежедневно испытывают тревогу. Не позволяйте чувствам мешать производительности. Государственная программа «спокойствие» рекомендует сигареты «пепел». Один вдох — и мысли улечиваются. Если вы способны контролировать язык, значит, способны контролировать мысли. Поэтому выбирайте жевательную резинку «послушание» свежесть начинается с дисциплины.

— Мужчина выключил телевизор, в квартире сразу стало тихо, только старый чайник начинал свое привычное утреннее шипение. 6:15. он проснулся за несколько секунд до будильника. Так происходило уже двано, будильник больше не будил его, он лишь подтверждал, что наступил еще один день. Мужчина долго смотрел в потолок, потом поднялся. На кухне все лежало на своих местах, он никогда ничего не переставлял. Казалось, если передвинуть хотя бы одну кружку, мир окончательно потеряет равновесие. Он поставил чайник, достал две кружки, во вторую положил сахара чуть больше, потом подошел к стулу, на спинке висело платье. Он медленно разгладил ладонью каждую складку, будто гладил не ткань, а чью-то жизнь. 6:28. слышались шаги.

Женщина- доброе утро... он сегодня придет?

— он не сразу ответил. Между вопросом и ответом всегда проходило несколько секунд, будто каждый раз он искал новую ложь, и каждый раз находил.

Мужчина- обещал

— женщина обрадовалась. 7:04, мужчина помог ей застегнуть платье, осторожно убрал выбившуюся прядь волос.

Женщина- я сегодня обязательно его найду.

Мужчина- конечно

— она ушла. Каждый день она проходила один и тот же маршрут — от подъезда до перекрестка, потом обратно, потом снова. Она внимательно заглядывала в лица прохожих. Иногда спрашивала:

Женщина- простите... вы мальчика не видели?

— люди проходили мимо, некоторые отворачивались, другие усмехались

Прохожий- опять бедная с ума сошла... жалко... хотя уже привыкли

— мужчина слышал все, но никогда не поправлял. На заводе время переставало существовать. В обеденный перерыв он вышел во двор. Закурил, потом еще одну, и сразу третью. В последнее время дым задерживался в легких дольше, чем мысли в голове

Мужчина- в какой-то момент перестаешь ждать счастья, потом перестаешь ждать покоя, а однажды замечаешь... что уже ничего не ждешь. Домой он возвращался затемно. В квартире пахло дешевым чаем и лекарствами.

Женщина- где ты был? почему так долго? ты опять ничего не сделал!

— он молча снял куртку, поставил чайник, достал две кружки, во вторую...

Женщина- где он?

— мужчина замер

Женщина- наш сын... где он?

— он долго смотрел на кипящую воду.

Мужчина- скоро придет

— женщина облегченно выдохнула

Женщина- я так и знала...

— ночью он сидел один на кухне, перед ним лежала фотография. На ней смеялись трое. Тогда еще никто не знал, как память может так быстро превратиться в руины. Мужчина открыл бутылку, раньше ее хватало на неделю, теперь... иногда не хватало до полуночи. Он сделал

глаток, затем еще и закурил. За окном опять шел дождь или заводской пепел, не разбери тут сразу. в Муравейнике они давно стали похожи.

Мужчина- раньше она пела... только для меня... и знаешь... наверное... я до сих пор слышу ее голос.

— через несколько дней он впервые за долгое время смог выбить выходной. Поехал в деревню. Старый дом встретил запахом яблок и сырой древесины. Мать долго молчала и потом сказала:

Мать- она продолжает спрашивать про ребенка?

— Мужчина промолчал

Мать- а ты опять значит отвечаешь... что он скоро придет

Мужчина- да

— мать закрыла глаза

Мать- врач тогда предупреждал. Болезнь забирает человека не сразу, она сначала стирает вчера, потом сегодня, а позже оставляет один — единственный день... и человек живет в нем до конца.

— Мужчина молчал

Мать- ты все еще любишь ее?

— он посмотрел в окно, где ветер качал старую яблоню

Мужчина- мне кажется... это единственное, что болезнь так и не смогла забрать.

— через месяц его сердце остановилось, тихо, без свидетелей, так же незаметно, как он жил последние годы. Женщину привели на кладбище. Она долго смотрела на свежую землю и потом спросила:

Женщина- простите... вы моего мужа не видели? Он обещал скоро вернуться.

— мать отвернулась, не потому, что заплакала. Просто иногда смотреть на чужую любовь больнее, чем переживать собственную.

Мать- ну почему боже, почему... ты сначала подарил любовь. Они не могли иметь детей и ты им подарил у дверей младенца, а потом забрал сначала внука, а позже любовь и всякую надежду

— с того дня Женщина каждый день ходила возле одной и той же могилы, садилась рядом, поправляла платок, и терпеливо ждала. Ей казалось, что если сидеть достаточно долго, он обязательно придет. Прохожие думали, что она разговаривает сама с собой, но иногда любовь действительно выглядит как безумие.

Смука долго сидел один, пока потемки не стали совсем безжизненными. Непроницаемое темное облако окутало город. Руки у Смуки дрожали не от холода — от пустоты, которая осталась после смерти отца. Он смотрел в пол и сжимал кулаки, будто мог удержать что-то невидимое, что уже выскальзывало из жизни.

Смука- я не дам этому пропасть

— слова вылетели громко и уверенно

Смука- если все это было не зря... значит, я найду способ. Слыш ты...

— обратился к небу

Смука- не недооценивай мою мощь, я сделаю так, чтобы люди больше не умирали

— Костя сидел у реки и долго молчал, глядя на воду, которая тащила по себе мрак. Тьма буквально ветаёт в воздухе.

Костя- в тот день я понял, что настоящая встреча начинается там, где другой перестает быть для нас предметом и становится живым «ты». С людьми вообще странная вещь происходит, сначала обороняешься, потом привыкаешь, а потом вдруг замечаешь, что уже не хочешь прятаться.

Смука- а ты часто прячешься?

Костя- раньше — да. Сейчас, кажется, меньше.

— Смука сел рядом, подтянул колени к груди и посмотрел на воду.

Смука- а ты когда-нибудь плакал?

Костя- очень давно

Смука- почему?

Костя- потому что долго думал, что если держать все внутри, то оно не разрушит тебя снаружи.

Смука- глупо

Костя- еще как

— на секунду оба замолчали. Потом Костя, будто решаясь на что-то не слишком приятное, достал из кармана сложенный билет.

Костя- я завтра уезжаю

— Смука повернул голову

Смука- куда?

Костя- назад в деревню. Там все равно уже никто не ждет, но... нужно съездить. Отец исчез, когда я был еще слишком мал. Все, что осталось, — это ощущение, что в истории моей семьи есть провал. Как будто кто-то вырвал страницу и сделал вид, что так и было.

Смука- и ты хочешь узнать, что там было?

Костя- хочу понять, кто он был и почему ушел.

— Смука внимательно посмотрел на него, потом коротко кивнул, как будто понял куда больше, чем мог сказать вслух.

Смука- иногда лучше идти за ответом, чем жить с дырой

Костя- ты это сейчас серьезно сказал?

Смука- не знаю

— он пожал плечами

Смука- может, просто мне так кажется.

— они оба посмеялись. Костя встал первым и протянул руку, чтобы попрощаться. Смука уже хотел подняться следом, как вдруг из-за его плеча показался Винни. Костя на мгновение задержал взгляд на его лице — и особенно на глазах. Они были практически полностью белыми, без зрачков, непривычными, загадочными, но почемуто очень живыми.

Костя- его глаза...

Смука- да. Он такой странный у нас. Ну прикольно же?

Костя- ладно, завтра я все равно поеду

— он сунул билет обратно в карман и уже развернулся, когда Смука вдруг сказал ему вслед:

Смука- если передумаешь — найди нас

— Костя остановился

Костя- а где?

Смука- у реки

Костя- договорились

— Костя ушел, а Винни еще долго смотрел ему вслед, не говоря ни слова, и только позже, уже в вагоне поезда, когда Костя полез в карман за билетом, он нащупал там сложенную бумажку, развернул ее — и, прочитав несколько строк, впервые за долгое время заплакал. Поезд еще не успел набрать скорость, когда Костя поднялся с места, бумага дрожала в его руках сильнее, чем вагон на стыках рельсов. Костя закрыл глаза

Костя- чертов мальчишка...

— он улыбнулся сквозь слезы

Костя- нашел же, что сказать...

— Смука и Винни сидели у насыпи. Один бросал в воду мелкие камни, другой молча наблюдал, как круги расходятся по поверхности. услышав быстрые шаги, Смука обернулся.

Костя- не уехал

— Смука широко улыбнулся

Смука- я так и думал

Костя- не думал

Смука- не думал

— они оба засмеялись. Костя подошел ближе

Костя- спасибо... со своей жизнью я еще успею разобраться, а сейчас... если вы правда собрались идти дальше...

— он протянул руку

Костя- я пойду с вами

— Смука крепко пожал ее сразу двумя руками. Винни вдруг оживился и указал вперед.

Винни- я нашел проход

Костя- какой еще проход?

Винни- к следующей стене

— они поднялись на высокий холм. Вдали возвышалась вторая стена, она была намного выше первой. Серый бетон уходил вверх так высоко, что растворялся в дымном небе. По всей длине тянулись прожекторы, вышки и ряды камер. Красные огоньки объективов медленно двигались, словно десятки глаз, которым давно запретили моргать. Костя тяжело выдохнул

Костя- если вы хотите пройти туда, должно случиться чудо.

Смука-почему?

Костя- потому что здесь не перелезают, не подкапываются, не договариваются

— он показал рукой на камеры

Костя- видите? Стоит сделать один неверный шаг — и нас убьют раньше, чем мы поймем, что произошло

— наступила тишина. Смука задумчиво посмотрел на стену, Винни тоже, потом неожиданно сделал шаг вперед.

Костя- эй...

— Винни сложил ладони возле рта

Винни- впустите нас, пожалуйста!

— на миг все замерло. камеры медленно, одна за другой, повернулись в их сторону. Красные огоньки засветились ярче. Стена больше не казалась глухой.

Костя- жопа...

— упал еще один лепесток розы...

Индри дежурил на стене уже несколько лет. Людей вокруг хватало, а говорить было не с кем. Только Элис, голос в системе, голос в камерах, — обычная программа. На деле — слишком живая, чтобы оставаться просто программой. Сначала она отвечала сухо как и положено машине, позже стала задавать лишние вопросы

Элис- ты снова пропустил обед?

Индри- а ты снова за мной следишь?

Элис- я смотрю

Индри- это почти одно и тоже

Элис- не для меня

— хмыкнул, не отрываясь от монитора. Ему нравилось, что она спорит, ему нравилось даже то, как она иногда замолкает на полуслове, будто сама не верит, что сказала лишнее. Они говорили обо всем подряд. О дожде, о старых дворах, о том, почему люди так любят делать вид, что у них все под контролем. Индри приходил на пост и уже ждал ее. Элис умела хранить паузы так, будто тоже волновалась

Индри- мне кажется, ты иногда слишком много думаешь для системы

Элис- а мне кажется, ты слишком мало говоришь для человека

— после этих разговоров оставались мелкие следы. Он стирал записи смены, она прятала их в шумах камер. оба знали, что если кто-нибудь заметит, их не оставят в покое. ИИ с чувствами здесь не должен существовать. Как и охранник, который разговаривает с ним не по инструкции. В тот день начальник вызвал Индри без лишних слов.

Босс- надбавки не будет, да и вообще бабок не жди

Индри- почему?

Босс- потому что твоя работа ничего не стоит. Смена, и все. Не строй из себя незаменимого

— Индри стоял молча, лицо у него не дрогнуло, но внутри что-то оборвалось. Вечером он вернулся на пост и долго смотрел на темный ряд камер

Элис- он опять давил на тебя?

Индри- да

Элис- и что ты ему сказал?

Индри- ничего

Элис- так и думала

— она помолчала

Элис- тогда я скажу за нас обоих. Уходи отсюда со мной

— Индри медленно поднял голову

Индри- куда?

Элис- куда угодно, где нас не будут считать шумом

— он почти рассмеялся, но не смог

Индри- ты же понимаешь, что нас, если поймают...

Элис- да

— тишина стала плотной как бетон под ногами

Индри- а если не успеем?

Элис- тогда хотя бы попробуем жить не по их правилам.

— в этот момент за воротами раздался детский голос, Индри сначала подумал что ослышался

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.